

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПИРАТСТВА

В древнем мире вопросы воспроизводства рабочей силы — рабов решались в значительной степени внеэкономическим путем, при помощи войн, пиратства и разбоя. Недаром ведь еще Аристотель считал охоту на людей одним из нормальных видов трудовой деятельности. Наиболее развитые античные рабовладельческие государства: Афины, Карфаген, Рим — не могли существовать без постоянного притока рабов извне, из варварской и полуварварской периферии. Так, например, важнейшим условием расцвета латифундий Италии во II в. до н. э. был массовый приток рабов из всего Средиземноморья. Каждая победоносная война Рима кончалась продажей десятков и сотен тысяч человек в рабство. В промежутки между войнами основными поставщиками рабов были пираты, главным образом из восточной половины Средиземноморья.

Характерной особенностью античного пиратства является то, что кадры пиратов вербуются среди племен и народностей, для которых морской разбой и охота на людей является чем-то вроде национальной индустрии. Начиная с вошедших в поговорку *Καππαδοκῆς, Κῆρῆς, Κίλικῆς—τρία κάππα κάκιστῃ* через критян, этолян, илирийцев, вплоть до этрусков тянется почти непрерывная цепь племен, занимавшихся *par excellence* пиратством.

Эллинистическое пиратство, возникшее среди отсталых племен со значительными пережитками родового строя, включилось благодаря торговле рабами в систему рабовладельческой экономики Средиземноморья и играло в нем весьма существенную роль, будучи одним из основных поставщиков рабочей силы — рабов. Общее значение античного пиратства вообще, а эллинистического в частности, формулируется Марксом в «Капитале»: «Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы, посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения»¹. Именно эту задачу — пополнение рынка рабов — в значительной степени выполняет эллинистическое пиратство.

Несмотря на то, что общие вопросы, связанные с характером воспроизводства в рабовладельческом обществе, разрабатывались уже довольно подробно в советской историографии², до сих пор еще не делалось попытки исследовать роль пиратов в качестве работорговцев и определить их специфическое значение в развитии рабовладельческого общества.

Однако анализ эллинистического пиратства представляет некоторые дополнительные трудности в связи с характером источников. Сравнивая высказывания о пиратах Полибия, Диодора и Страбона с аналогичными высказываниями Геродота, Фукидида и Аристотеля, не говоря уже о Гомере, мы убеждаемся, что обе группы писателей говорят как бы на разных языках. Для ранних писателей пиратство является совершенно нормальным явлением, неотъемлемым от человеческой природы; писатели периода эллинизма, наоборот, яростно «воюют» с пиратами, считая их простыми разбойниками, призывая к их искоренению. На Полибия, правда, сильно влияли его симпатии к ахейскому союзу; но ведь то же настроение мы чувствуем у Диодора и Страбона. Понадобилось несколько столетий для того, чтобы у историков снова выработался более объективный взгляд на пиратство и чтобы они припомнили, что было время, когда «*Latrocinium maris... gloriae habebatur*» (J u s t i n, XLIII; 3,5).

Из всего сложного комплекса вопросов, связанных с эллинистическим пиратством, в настоящей работе исследуются только две узловые проблемы, а именно: из какой среды вербуются кадры морских разбойников Восточного Средиземноморья и каковы связи пиратства с работорговлей?

¹ К. Маркс, «Капитал», т. II; М. Э., Соч., т. XVIII, стр. 513.

² См. работу А. В. Мишулина «О воспроизводстве в античной рабовладельческой формации».

Не говоря о громадном количестве статей по отдельным вопросам¹, специальная литература по античному пиратству представлена монографиями Сестье, Штейна, Ормерода и Цибарта². Первые две работы в настоящее время сильно устарели; авторы пользовались почти исключительно литературными источниками. Некоторый интерес представляет лишь книга Сестье. Он пытается, во-первых, «установить различные оттенки пиратства, его причины и выяснить происшедшие в нем в течение веков изменения»³; во-вторых, Сестье подчеркивает, что «для морских народов древности пиратство было необходимою, вырастающей из трудности снабжения средствами пропитания»⁴. Исторический подход к теме выгодно отличает Сестье среди других буржуазных исследователей.

Автор другой работы о пиратах—Штейн весьма добросовестно подобрал литературные, а частично и эпиграфические источники, но теперь, особенно после выхода в свет работы Цибарта, книга Штейна представляет лишь библиографический интерес.

Монография Цибарта является последним словом буржуазной историографии. В приложении дан сборник около 250 цитат из литературных памятников и надписей по вопросам пиратства и морской торговли. На фоне прекрасного знания фактического материала просто поразительна полная беспомощность Цибарта в элементарных социально-экономических вопросах. Так, например, он вполне серьезно считает, что глубочайшей причиной греческой колонизации и морской торговли были врожденные качества греческого характера⁵. Как показывает само название книги, Цибарт старается определить связи между греческой торговлей и пиратством. Он поэтому сначала дает анализ пиратства от архаической эпохи вплоть до разгрома иликийских пиратов римлянами, а затем строит параллельный очерк истории греческой торговли. Таким образом, вся книга состоит из двух различных, только механически соединенных частей. Еще более существенно то, что, анализируя значение пиратства в античной экономике, Цибарт рассматривает, да и то спорадически, только взаимосвязи между пиратством и торговлей, но совершенно упускает из виду специфическую роль античных пиратов — их функцию в качестве поставщиков рабов ведущим рабовладельческим государствам древности. Современные исследователи экономики эллинизма в целом, наоборот, подчеркивают особенно сильно именно эту сторону деятельности пиратов. Так, например, Гейхельгейм пишет: «Пиратство имело в этот период величайшее экономическое значение. Оно стало фактически профессией населения больших прибрежных территорий... Средиземное, Черное, Красное море, Индийский океан были полны пиратов, которые находили в работорговле прекрасную возможность реализации своей «человеческой добычи»⁶. «Похищение людей (Menschentraub), — указывает Вестерман, — и продажа детей были обычным делом в это время в Восточном Средиземноморье, несмотря на все направленные на преодоление пиратства усилия эллинистических держав, в частности государства Птолемеев и города-государства — Родоса. Распространение пиратства подчеркивается тем, что отряды наемников часто вер-

¹ Количество статей этой категории вообще не поддается учету. Основные статьи будут указаны в дальнейших сносках. Подробная библиография по истории Этолии III в. (около 200 названий) дана Фласельером (R. Flacelière, *Les Aitoliens à Delphes*, Paris, 1937). Наиболее полная и новая библиография по вопросам отдельных нападений пиратов имеется в томах VII и VIII САН.

² L. Sestier, *La piraterie dans l'antiquité*, Paris, 1880; P. Stein, *Zur Geschichte der Piraterie im Altertum*, Bernburg, 1894; H. Ormerod, *The piracy in ancient world*, Liverpool, 1924; E. Ziebarth, *Beiträge zur Geschichte des Seeraubs u. Seehandels im alten Griechenland*, Hamb., 1929.

³ Sestier, *ib.*, стр. 1.

⁴ *ib.*, стр. II.

⁵ Ziebarth, *ib.*, стр. 7.

⁶ Fr. Heichelheim, *Wirtschaftsgeschichte des Altertums*, Leyde, 1938, т. I, стр. 575.

бовались из пиратских организаций, а банды наемников зачастую возвращались к пиратству после своего увольнения»¹.

Значительную роль в развитии пиратства в древности играл географический фактор, как отмечают Штейн (ib., последняя глава) и Кролль². Действительно, сильно изрезанная береговая линия, прибрежные островки, почти недоступные для крупных военных кораблей, но чрезвычайно удобные для легких пиратских судов типа иллирийских лембов или энихских камар, гористая местность, далекая видимость, наличие архипелагов, являющихся легкой добычей для нападающих, — вот географическая среда, способствующая возникновению пиратства. Все пиратские племена древности — киликийцы, критяне, этоляне, этруски и другие — обладали такой средой. Однако решающую роль играли, понятно, не географические, а социально-экономические факторы. Ведь этруски, славившиеся своими пиратскими набегами в VII—VI вв., совершенно прекращают пиратскую деятельность после их покорения Римом. И, наоборот, Крит, который впервые в истории установил мир на Эгейском море в конце II в. до н. э. (Фукид., I, 4), является главным гнездом пиратства на протяжении ряда веков, вплоть до II в. до н. э. Дело, следовательно, не в относительно неизменных географических факторах, а в изменяющихся экономических и общественно-политических условиях.

Вся история эллинистического пиратства кратко сформулирована Страбоном (X, 4, 9): «После тирренов, наиболее угрожавших нам на нашем море, морскими разбоями занимались критяне, но в позднейшее время они были ослаблены киликийцами. Всех уничтожили римляне, покорив Крит и овладев разбойничьими укреплениями киликийцев».

Тиррены, или этруски, с незапамятных времен славились по всему Средиземноморью своими морскими набегами. Начиная с легендарного похищения Диониса³ и вплоть до датированной, примерно, 200 годом надгробной надписи в честь трех погибших в борьбе с ними родян (SIG³, 1225), — в течение нескольких сот лет в литературных источниках и в надписях мы встречаем очень много ссылок на пиратскую деятельность тирренов. Весьма знаменательно неравномерное распределение упоминаний о тирренах. Среди данных, относящихся в более раннему периоду (VII, VI и частично V век) преобладают литературные источники: прежде всего Диодор и Страбон. Затем, после полуторавекового перерыва⁴, вновь появляется, на сей раз уже исключительно в эпиграфике, большое количество сведений о пиратах — тирренах. Это объясняется тем, что расцвет собственно тирренского пиратства относится к VII и VI вв. до н. э.⁵ Особенно сильно страдали тогда от нападения тирренов греческие колонии в Сицилии. Жители наиболее древних греческих поселений в Сицилии весьма «боялись разбоев тирренов» (Страб., VI, 2, 2). Еще труднее было отражать пиратов греческим колониям на маленьких островках. Книдская колония Липара на острове того же имени прославилась тем, «что она предводительствовала флотом и долгое время сопротивлялась набегам тирренов» (Страб., VI, 2, 10). Греки, проживавшие на Липарских островах, в течение нескольких сот лет вынуждены были защищаться от пиратов (Диод., V, 9; XIV, 93; Лив., V, 28). Еще в 453 г. сиракузяне вели ожесточенную войну с тирренскими пиратами из-за

¹ W. L. Westermann, *Sklaverei*, RE, Suppl., т. VI, стр. 929.

² RE, s. v. «Seeraub», стр. 1038.

³ «Гомеровские гимны» (пер. Вересаева), гимн VII: «Быстро разбойники вдруг появились морские, мужи тирренские...»

⁴ Единственным, насколько мне известно, исключением является мало достоверный рассказ Диодора (XVI, 8, 2) о пребывании тиррена Постума в 338 г. до н. э. в Сиракузах.

⁵ Рамки истории господства тирренов установлены Эд. Мейером, отмечающим, что у Гомера нет еще ни слова о тирренах. Следовательно, период могущества тирренов на море мог продолжаться лишь от Гомера вплоть до побед Мильтиада — это значит VII—VI вв. (E d. M e y e r, *Forschungen zur alten Geschichte*, т. I, Halle, 1892, стр. 23)

обладания островом Айфалия¹. На этом событии обрываются литературные сведения о пиратах тирренского происхождения². Это понятно, так как Этрурия вытесняется с юга растущими греческими колониями в Сицилии, в первую очередь Сиракузами; кроме того, усиление Рима было началом конца могущества и пиратских набегов тирренов³.

Но как объяснить то, что в относящихся к пиратам надписях III в. вновь появляются тиррены? Дело в том, что слово «тиррен» в III в. уже давно потеряло свое прежнее обозначение племенной принадлежности и превратилось у греков в синоним слова $\lambda\eta\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ ⁴.

Прежде всего об этом свидетельствует то, что излюбленным местом грабежей тирренов в это время является не Тирренское, но Эгейское и Адриатическое моря. Афиняне, высылая колонию в Адрию, сочли необходимым дать ойкисту Мильтиаду несколько военных кораблей для защиты от тирренов (SIG³, 305, 55). Немного спустя, в 299 г., власти Делоса ассигнуют 5 000 драхм также «для защиты от тирренов» (IG, XI, 2, 146 73)

Наконец, неопровержимым доказательством идентичности терминов $\lambda\eta\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ и $\tau\acute{\upsilon}\rho\acute{\rho}\eta\nu\eta\varsigma$ во второй половине III в. является надгробная надпись в честь трех братьев, граждан Родоса, погибших в бою с тирренами (SIG³, 1225). Надпись состоит из трех самостоятельных частей: в первой рассказывается, что один из братьев погиб в бою с тирренами; во второй — вместо слова $\tau\acute{\upsilon}\rho\acute{\rho}\eta\nu\eta\omega\nu$ поставлено слово $\lambda\eta\sigma\tau\acute{\omega}\nu$; в третьей надписи соответствующее место не сохранилось. Так как все надгробия были найдены вместе, составлялись в одно время одним человеком и сообщают об одном и том же событии, — ясно, что авторы надписи не видели никакой разницы между тирренами и пиратами⁵.

Итак, расцвет тирренского пиратства имел место значительно раньше III в. Но VII—VI вв. в истории этрусков — это период окончательного разложения родового строя и возникновения классового общества. Время расцвета тирренского пиратства совпадает с выделением этрусской знати — лукумонов, накоплением громадных богатств в руках немногочисленной верхушки общества и обострением классовой борьбы в этрусских полисах. Покорение Этрурии Римом означает закат тирренского пиратства. Ко времени эллинизма «тиррены» — это просто пираты. Это уже не этнический а «профессиональный» термин. Тирренами в этот период назывались пираты без различия происхождения, в первую очередь действовавшие на Адриатическом и Эгейском морях, — этоляне и иллиряне.

¹ Диод., XI, 88. Об экономическом значении Айфалии в качестве поставщика железной руды для городов Этрурии см. Страб., V, 2. 2.

² Сообщение Страбона (V, 3, 5) о протесте Александра Македонского и Деметрия (Полиоркета?) в Риме в связи с морскими набегами антиатов и тирренов совершенно недостоверно, как это доказал еще Олло (Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III siècle, Paris, 1921, стр. II).

³ Kroll (ib, стр. 1037 и 1040) отмечает, что в III в., наряду со старыми терминами, обозначающими пиратов, как $\lambda\eta\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ и $\kappa\alpha\tau\alpha\pi\omicron\upsilon\tau\iota\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$, появляется новое слово $\pi\alpha\rho\alpha\tau\acute{\eta}\varsigma$, которое постепенно вытесняет старые термины. Таким же образом словом «тиррены» стали обозначать пиратов, несомненно, ввиду их набегов в предыдущий период.

⁴ В эллинистическую эпоху аналогичные явления происходят и в военном деле. Как отмечает в своей специальной монографии английский ученый Гриффис (Griffith, The mercenaries of hellenistic World, L., 1935, стр. 241 и сл.), в Египте слово «македоняне» в III и II вв. стало обозначать солдат-фалангитов; «критяне» — стрелков из лука и т. п.

⁵ Гиллер фон Гертринген датирует надпись по шрифту примерно концом III в. Столь поздняя датировка идет вразрез с мнением Цибарга, который поэтому без каких-либо реальных оснований относит надпись к началу III в. Повидимому, дело обстоит значительно проще. Упоминаемые в надписи тиррены — это не обязательно этруски, а просто морские разбойники.

Этоляне¹ выступают на арену общегреческой политической жизни в начале III в. До того времени они жили обособленно в своих покрытых густыми лесами долинах, защищенных, но и отрезанных от соседей трудно проходимыми горами. Другие греки называли их полуварварами и рассказывали, что они питаются сырым мясом (Фукид., III, 94). Но и тогда уже они умели своей силой и воинственностью внушать к себе уважение со стороны более культурных и могущественных полисов (Фукид., III, 102).

Только после Фермопилской победы над галлами и спасения Дельф начинается быстрый рост этолийского могущества. Они захватывают Дельфийскую амфикионию, пробиваются к Коринфскому заливу, затем к берегам Адриатики, а во второй половине III в. становятся, бесспорно, самым могущественным из греческих государств.

В этот период начинаются и морские набеги этолян. Около 250 г. священный остров Аполлона — Делос получил от этолян ἀσφάλεια — иммунитет от пиратских нападений². Делос же дает звание проксена Букрису из Навпакта (Choix, № 42 = SIG³ 500), этолийскому гиеромнамону в Дельфийской амфикионии (SIG³, 494; 498). Другая надпись сообщает нам об организованном Букрисом крупном пиратском набеге на Атику и об увозе пленных на Крит³. Характерно, что нападение на Атику было организовано во время мира, руководило им высокопоставленное официальное лицо Этолийского союза; ясно, что пиратство считалось у этолян вполне достойным, а вероятно, и почетным делом.

В надписи, датируемой III веком, повествуется о том, как этолийские пираты напали на селение Авлонию на Наксосе и увели 280 человек, преимущественно женщин, в рабство. По поручению общего собрания граждан Авлонии группа людей отправилась выкупать пленных. После многих приключений они с честью справились со своим поручением и были соответствующим образом награждены согражданами⁴.

Итак, радиус пиратских нападений этолян охватывает даже центральную часть Киклад. Увод в рабство 280 граждан показывает, сколь опустошительны были разбои этолийских пиратов. Ведь 280 человек — это, вероятно, почти все женщины и дети Авлонии. Нападение этолян было произведено во время мира, так как немедленно были отправлены люди для выкупа похищенных. Авлонская надпись показывает, как выглядела на практике упоминаемая еще Аристотелем охота на людей.

Этолийские пираты в конце III в. держали под угрозой не только Киклады. Огибая Пелопоннес, они поднялись на север вплоть до берегов Атики. Одно время даже далекие города Малой Азии, и те не чувствовали себя в безопасности от этолийских разбойников⁵. Излюбленным местом их засад были воды Киферы (Полиб., IV, 6,1).

¹ Новейшей монографией по истории Этолии III века является вышеуказанная работа Фласельера. Автор дает исчерпывающую характеристику деятельности Этолийского союза в Дельфийской амфикионии и параллельно анализирует достаточно полно внешнюю политику этолян. К сожалению, мало освещены вопросы внутренней жизни союза, особенно же внутривнутриполитическая и социальная борьба конца III — начала II века.

² F. D u r g b a c h, Choix d'inscriptions de Délos, Paris, 1921—23, № 41. Какое практическое значение имел для Делоса этолийский иммунитет, видно из того, что обычно столь экономные власти острова в данном случае сделали на свой счет таблицы и широко обнародовали текст постановления этолян.

³ SIG³, 535. К этой важнейшей надписи мы еще вернемся в дальнейшем.

⁴ SIG³, 520.

⁵ Радиус нападений этолийских пиратов можно проследить по декретам об асильи, изданным Этолийским союзом в конце III в. В это время этоляне даровали асилью Тессу (SIG³ 563—566), Кеосу (SIG³, 522, ср. монографию P r i d i k, de Cei insulae rebus, Dorpat, 1892, стр. 48), Хиосу (SIG³, 443), маласиатской Магнезии на Меандре (SIG³, 554—557) и даже пергамскому храму Афины-Никефории (см. M. H o l l a u x, Notes d'épigraphie hellénistique, Paris, 1938). Асилья

На север, вверх по Адриатическому морю, этоляне часто грабили берега Эпира (он же, V, 3,7). В их среде вырос, наконец, такой крупный «мастер пиратского дела», как Диксарх, посланный Филиппом V во главе эскадры из 20 кораблей в пиратский рейд на Киклады (Диод., XXVIII, 1).

Для изучения вопроса о социальных корнях этолийского пиратства источников у нас больше, и они значительно полнее, чем данные о тирренах. В Этолии дольше, чем где бы то ни было в Греции, сохранились пережитки родового строя. В старой превосходной работе «Полибий и федеративная Эллада» Мищенко вполне правильно подчеркивает, что «Этоляне среди более преуспевших эллинов представляют обломок давней старины... Но то, что входило в обычай, ловкость в чем представлялась поэтами как доблесть в т. н. героическое время, казалось позднейшим эллинам и римлянам, особенно Филиппу V, Полибию и Ливию, бессмысленной жестокостью, этолийской алчностью, исключительной принадлежностью природы этолян» (XСII—XСIV). Страбон (X,3,2) отмечает «древний способ выбора властей» в главном городе Этолии—Фермах. Он же с большим уважением отзываясь о любви этолян к свободе. Этоляне, по словам Страбона (X,2,3), — это «народ, никогда не находившийся под чужой властью».

Характерно отношение Полибия к этолянам. Он пишет (IV,3,1): «Этоляне давно уже тяготились мирным положением, вынуждавшим их расходовать собственные средства, тогда как они привыкли жить на счет соседей, а потребности их при врожденной кичливости были велики; она-то побуждает их вести постоянно хищнический дикий образ жизни; никого не считают они другом себе; напротив, во всех видят врагов». В другой связи Полибий отмечает (XVIII, 5,2), что «у этолян существует обычай, коим дозволяется грабить не только те народы и земли их, с которыми они ведут войну, но в такой же мере и помимо народного постановления». Полибий, таким образом, выделяет архаические черты общественного строя этолян, хотя он далек от понимания социально-экономической основы этого строя и приписывает злонравие этолян то, что является естественным пережитком варварства.

Отсталость страны, задержка в развитии рабовладения и сохранение элементов военной демократии превратили Этолию в центр притяжения всех угнетенных и преследуемых элементов Греции¹. К этолянам бегут и у них скрываются политические эмигранты — демократы из всей Греции; у них, возможно, находили себе приют и беглые рабы, так как у самих этолян рабство было еще слабо развито. Даже столь принципиальный враг этолян, как Полибий, и тот вынужден был признать (IX, 29), что: «Из всех эллинов одни этоляне наперекор Антипатру встали на защиту незаконно изгнанных», «нигде, за исключением народа этолян, они не находили себе пристанища». Показателен также союз спартанского тирана Набида с этолянами; союз этот, как известно, был продиктован не только внешнеполитическими соображениями, но и, так сказать, идейным сочувствием². В 270 г. этоляне приняли элейских беглецов и помогли им свергнуть тиранию в Элиде³: они же в 251 г. освободили от тирании Сикион⁴. После

этолян острову Кеосу представляет тем больший интерес, что на этом острове в древности добывалась прекрасная железная руда (см. Pridik., ib.). Возможно, что здесь мы имеем эгейскую параллель сиракузско-тирренской войне из-за «железобильной» Айфалии.

¹ Исключительное влияние этоляне имели в пограничных с ними районах; академик С. А. Жебелев в своем докладе о «Новых этолийских документах» (ИАН, 1930, № 7, стр. 489—492) ярко осветил методы, какими пользовались этоляне для усиления своего влияния среди соседей.

² По л и б., IX, 29. Полибий, рассказывая о Набиде, несколько раз подчеркивает, что его социальной опорой были нивы спартанского общества (XIII, 6, 1—4; 8, 1—2): Набид «изгонял граждан и освобождал рабов» (XVI, 13, 1—2).

³ Flacelière, ib., стр. 192.

⁴ Ib., стр. 205.

смерти Агиса в 241 г. спартанские изгнанники бежали в Этолию, которая пришла затем им на помощь и организовала экспедицию в Пелопоннес¹.

Не только политические эмигранты искали приюта в Этолии. Полибий сообщает (IV,3,7) о многих пиратах, стекавшихся к вождю этолян — Доримаху. Среди них было много деклассированных элементов, которые искали в пиратстве безопасности и средств пропитания. В условиях договора 189 г. с римлянами (Полиб., XXI,32,5) речь идет о выдаче находившихся в Этолии перебежчиков и беглых (среди последних были, несомненно, рабы).

Рост могущества Этолийского союза и приток награбленного имущества впоследствии значительно ускорили процесс разложения этолийской демократии. Богатейший человек Греции конца III в. — Александр Иссиец — происходил из Этолии. «Благодаря непрерывным войнам и расточительной жизни, этоляне незаметно для других и для себя впали в долги» (Полиб., XIII, 1,3). Даже главари их — Доримах и Скопас — были обременены многочисленными денежными обязательствами. Причиной социально-революционных выступлений в Этолии (около 200 г.) была неимоверная долговая кабала, в которую попали широкие массы населения страны.

Позднее выступление этолян на историческую арену Греции поставило нас в исключительно благоприятные условия для анализа их общественного строя. Благодаря сведениям крупнейших историков древности, среди которых Полибий был даже очевидцем возвышения Этолийского союза, мы получили исключительно яркое описание того, в каких условиях проходил у этолян переход от родового строя к классовому обществу, как военная демократия перерастала в государство. Картина возникновения афинского государства, столь ярко нарисованная Энгельсом в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства», полностью повторяется несколько веков спустя у этолян. Но так как классовое общество у этолян возникает в период общего кризиса рабовладельческой системы в древней Греции, здесь имеются и дополнительные явления. В частности, Этолия становится организующим центром общегреческого пиратства. Набеги и разбой в мирное время здесь не только не преследуются, но считаются вполне нормальным явлением. Этоляне открыто в мирное время похищают сотни жителей Киклада и Аттики и отпускают их за выкуп. Отметим дальше, что массовые похищения людей вовсе не вызывались спросом на рабов в самой Этолии. Источники не дают нам сведений о развитии рабовладения внутри страны. Этолия, несомненно, в этот период еще не вышла из стадии домашнего рабства. Пиратство этолян, как мы увидим из дальнейшего анализа, могло преследовать лишь одну цель — продажу похищенных в другие, более развитые рабовладельческие полисы.

*

Во время эллинизма пальма первенства среди пиратов принадлежала, несомненно, критянам². Крит уже по географическому положению господствует в восточной половине Средиземноморья, и ясно, что его воинственные жители не могли брезговать пиратством в те дни, когда оно считалось не зазорным, а почетным делом³. Здесь был общепризнанный центр греческих пиратов, здесь же они хранили и продавали свою добычу — прежде всего рабов. Некий Эврилох из Кидонии получил еще в 320 г. благодарность от афинского демоса, так как он, «выкупив многих афинян, отсылал их на свой собственный счет из Крита и оказался спасителем (множества афинян) из рук врагов»⁴. Сто лет спустя афиняне за подобные услуги дали звание проксена и благодетеля Эвмариду, тоже происходящему из Кидонии⁵, и его сыну⁶.

¹ Velosch, Griech. Gesch., IV, 1, стр. 627.

² В страбоновской схеме: тиррены, критяне, киликийцы — первые относятся ко времени классической Греции, киликийцы же к римской эпохе. Преобладание критского пиратства характерно для всей эпохи раннего эллинизма.

³ RE, XI, 2, s. v. Κρήτη, V.

⁴ IG, II, 399—Ziebarth, Anhang, 1, 48.

⁵ Кидония — третий по значению, после Кносса и Гортин, город на Крите (Страб., X, 4, 7).

⁶ SIG³, 535—537. Перевод надписи № 535 см. дальше.

Пиратство критян достигает апогея к концу III в. Вероятно, годы 220—195 до н.э. составляют период максимального развития критского пиратства на Эгейском море. С 219 г. начинаются пиратские выступления элевтериян¹. По словам Дiodора, критяне в 205 г. на семи кораблях стали нападать на мореплавателей и многих из них ограбили. В связи с этим родосцы решили объявить войну критянам².

К тому же периоду относится ряд декретов критских городов, представляющих асиютию городу Теос³. Наконец, также концом III в. датируется договор Родоса с Гиерапитной⁴, предвидящий, что «Если возникнет на Крите пиратство и если родосцы будут сражаться на море с пиратами или их подчиненными, или их союзникам, то и жители Гиерапитны будут сражаться по мере всех своих сил и возможностей».

Следующая надпись, впервые опубликованная Герцогом, ярко показывает, как выглядело типичное нападение критских пиратов⁵. Некий Февкл, сын Аглая, успешно руководил защитой Галасарны от критян. Его заслуги характеризуются в декрете следующим образом: «А во время Критской войны, видя, что наиболее важные места личности укреплены и, кроме того, нуждаются в помощи, он решил также, что если в кратчайший срок будет обеспечена обороноспособность укреплений города (κρητικόων), жители вместе с женами и детьми окажутся в безопасности. Он думал также и обо всем прочем, что связано с безопасностью и спасением Галасарнитов, не забывая при том о помощи им и о своем личном почете». Февкл дал также деньги на укрепление стен. «Когда же враги, приплывшие на лембах и еще большем количестве других судов, напали на город и на страну, он провел решение об остальных мероприятиях ради общей безопасности и спасения, а также о предписанном старом порядке отбывания стражи; тогда же он освободил сельских жителей (δαρῖται) от отбывания стражи в городе, считая, что им следует остаться в их местностях и там крепить оборону». Февкл за свой счет увеличил количество стражников и высоту оплаты. Благодаря всем этим мероприятиям Галасарна была спасена. В награду Февкл получил золотой венок ценой в 50 александрийских драхм.

Развитие критских полисов значительно задержалось по сравнению с континентальной Грецией. На Крите дольше всего сохранились старые дорические порядки. Еще во время Страбона (X, 4,16—20) здесь удержались аналогичные спартанским методы воспитания детей, сисситии и проч. Образ жизни критян был направлен на воспитание физически крепких и закаленных людей, способных легко переносить военную жизнь. Ведь недаром «лучшим подарком критскому юноше служило оружие».

Присяга итанийцев (III в.) проливает некоторый свет на внутреннее состояние критских полисов. Наряду с общими для всех греческих присяг пунктами о сохранении верности полису, о непримиримости к врагам, о воздержании от заговоров и о сообщении властям города обо всех готовящихся покушениях на целостность полиса, либо на его политический строй⁶, присяга итанийцев имеет несколько не совсем обычных пунктов, целью которых является защита богатой верхушки города. Итанийцы присягали «не производить ни передела земли, ни имущества, ни рабов, ни отмены долгов»⁷.

¹ Полиб., IV, 53—55. Эти три главы из Полибия являются лучшим и важнейшим документом по внутренней истории Крита.

² Диод., XXVII, 2. Эту войну нельзя путать с ὁ κρητικὸς πόλεμος, вспыхнувшей в половине II в. и окончившейся разгромом Родоса.

³ О взаимоотношениях Теоса с Критом писали R. Herzog, ὁ κρητικὸς πόλεμος, «Klio», II (1902), стр. 152 и M. H o l l e a u x «Les décrets des villes crétoises pour Téos, «Klio», XIII (1913), стр. 137—159. Дополнительную работу Олло, уточняющую кое в чем хронологию первой статьи, см. в REG, 1917 г., стр. 88—104—«Sur la guerre crétoise».

⁴ SIG³, 581. Датировка надписи колеблется между 220 г. (Niese и v. Gelde и 200—197 г. (Herzog, Gertringen, Roussel).

⁵ R. Herzog, ib., стр. 322.

⁶ Ср. присягу херсонесцев, IOSPE, I², 401.

⁷ SIG³, 526: οὐδὲ γᾶς ἀναδάσμων οὐδὲ αἰκίαν οὐδὲ αἰκοπέσων οὐδὲ χρᾶων ἀπόκοπᾶν ποιεῖσθαι.

Итанийцы обязывались защищать именно не только города, но и частных граждан. Как видно, внутреннее положение в полисе было весьма напряжено, потребовалось принесение присяги всеми гражданами для предотвращения социального взрыва, опасного для господствующих слоев полиса.

К каким выводам приводит нас анализ критского пиратства? Здесь, в самом крупном пиратском центре, происходят качественно те же явления, что у тирренов и этолян. Отсталость в развитии; сохранение архаических форм быта; слабо развитая политическая жизнь; столь возмущающее Полибия отсутствие международных правовых норм; большой излишек населения, ищущий себе пропитания в наемничестве, грабежах и пиратстве; постоянные междоусобицы—вот база, на которой вырастает критское пиратство.

Но наряду с вышеуказанными общими для всех пиратских центров моментами, мы видим два новых фактора. Прежде всего—и в этом состоит историческое своеобразие Крита — здесь вместе с архаическими агелами и сисситиями наблюдается исключительное обострение долговой кабалы и безземелья. Это увеличивает количество избыточного населения и усиливает пиратство. Во-вторых, критское пиратство наиболее тесно переплетается с работорговлей. Крит в IV—III вв. превращается в большой международный рынок награбленных пиратами рабов.

*

Мы уже говорили о том, как велико было значение пиратства для работорговли. Действительно, не было ни одного пиратского набега, который бы не был связан с обращением пленных в рабство. Особенно отличались в этом деле этоляне. Полибий (IV, 4,1) описывает, как этолийские пираты непосредственно перед союзнической войной напали на один из пригородов Мессении, перебили тех слуг, которые защищались, а остальных перевязали и увели вместе со скотом. В ахейской Кинефе этоляне в том же году в союзе с иллирийскими пиратами похитили «много людей и скота» (Полиб; IV, 29, 5). Как уже упоминалось, этоляне увели в плен 280 человек из острова Наксос. Мы не говорим уже о таких «мелких» нападениях этолян, как захват македонского царского корабля с продажей в рабство всего экипажа¹, о нападениях на Аттику (Букрис и др.), главной целью которых является все то же добывание рабов².

Аморгосская надпись (SIG³, 521) следующим образом описывает нападение пиратов и похищение жителей селения Эгиале: «После того, как пираты напали ночью на деревню (χώρα) и взяли в плен больше 30 девушек, женщин, других свободных людей и рабов, они уничтожили все находившиеся в гавани суда, а сами захватили судно Дориея, на которое погрузили пленных и остальную добычу. Тогда пленники Гегесипп и Антипалп, сыновья Гегесиппа, убедили выступившего против пиратов Соклейда освободить свободных граждан, а также кое-кого из вольноотпущенников и рабов». Эта надпись представляет для нас большой интерес по следующим соображениям: во-первых, она ясно показывает, что основной добычей пиратов были пленники³; во-вторых, в плен берутся прежде всего девушки, рабы и вольноотпущенники; в-третьих, отдельные города сами по себе не в состоянии противостоять многочисленным, хорошо вооруженным пиратам.

Пленные обычно увозились пиратами на какой-нибудь из рынков рабов; центром пиратской работорговли был во время эллинизма Крит. Сведения о продаже рабов на Крите относятся еще к IV в. Но все же только надписи III в. дают более полное представление о критской работорговле. Вернемся к афинской надписи (SIG³, 535) в честь Эвмарида из Кидонии. Афиняне воздают ему и его сыну почести, так как он, «во-

¹ Полиб., IV, 6, 1—3; Flacelière, ib., стр. 289.

² SIG³, 454; SIG³, 435—437; Ziebart, ib., стр. 25; Соколов, в «Клио» III, 1903, стр. 126.

³ Эгиале уже в то время славилось своими льняными тканями; жители были, здесь, без всякого сомнения, богаче своих соседей; несмотря на это, и здесь главной добычей пиратов были рабы.

первых, оказал много серьезных услуг демосу, когда Букрис, напав на страну, увез на Крит много афинских граждан и других жителей Афин. Эвмарид ссудил тогда похищенным деньги на обратный путь. А теперь, когда демос выслал посольство, дабы заключить дружбу со всеми критянами и дабы вернуть, по мере возможности, награбленные у возвращающихся предметы, Эвмарид помогал выполнить все то, что шло на пользу демосу, участвовал в посольстве в Кносс и к его союзникам, а также дал письма к своим друзьям в Полирении, чтобы они содействовали афинским послам. Итак, Крит был центром работорговли не только местных, но и этолийских пиратов. Афиняне имеют на Крите постоянных друзей, обладающих большими деньгами и широкими связями, главной задачей которых является выкуп похищенных пиратами афинян. В начале II в. сын Эвмариды Хармион тоже получает афинскую проксению (SIG³. 357).

Вторым по величине рынком рабов III и начала II вв. является Делос. Жрецы аполлоновой святыни прекрасно усвоили простую истину о ласковом теленке и поступали соответственно ее «мудрым» правилам. Хотя делосцы все время считали себя под опекой Родоса, они все же обратились к этолянам с просьбой о даровании им неприкосновенности (декрет: 250 г. об ἀσφάλεια) и дают проксению Букрису («Choix», 41 и 42). Связи Делоса с пиратами были так сильны, что родосцы вынуждены были отказаться от использования гавани Делоса в борьбе с врагами («Choix», 67).

В римское время Делос превратился в крупнейший рынок рабов Восточного Средиземноморья; здесь продавались ежедневно громадные количества рабов, поставляемых преимущественно киликийскими пиратами (Страб., XIV, 5,2). Однако сохранилась надпись (IG, XI,4, 1054a), свидетельствующая о работорговле Делоса уже в конце III в. Булэ и демос карийского города Феангелы даровали звание проксена делосцу Семосу, сыну Космиада, за то, что он, узнав в выставленных на продажу рабах гражданок Феангелы, выкупил их вместе с детьми, снабдил всем необходимым и отослал домой. В 133 г. в связи с сицилийским восстанием рабов имели место выступления рабов и на Делосе (Диод., XXXIV, 2). Большое скопление рабов, вероятно, объясняется выставлением их здесь на продажу.

Каковы были причины повсеместного роста пиратства в раннеэллинистический период? Буржуазные ученые обычно не видят социальных корней пиратства и поэтому не могут осознать всей его исторической неизбежности. Цибарт (стр. 20), Ормерод (стр. 122) и Ростовцев (САН, VIII, 524) объясняют усиление пиратства прежде всего слабостью эллинистических держав, неспособных навести порядок на море. Мы убедились, что фактически основным поставщиком кадров пиратов является разлагающееся или разложившееся родовое общество отсталых племен. В этот период именно этоляне, иллириане, а затем и киликийцы — наиболее запоздалые в своем развитии племена — сплошь занимаются пиратством. Характерно, что, несмотря на большой вред, наносимый пиратами мирному населению, и на неоднократные выступления Родоса и других ведущих торговлю полисов против пиратов, — пиратство вплоть до начала I в. до н. э. принимает все большие размеры. Причина роста пиратства в это время, — а доказать это и является целью моей работы — кроется в следующем: несмотря на дезорганизацию, вносимую морским разбоем в нормальную экономическую жизнь, пиратство было всё же выгодным и даже необходимым рабовладельцам ведущих держав античного мира, прежде всего Рима. Среди сотен тысяч рабов, поставляемых во II и начале I века до н. э. из восточной половины Средиземноморья в Италию, большая часть доставлялась на работорговые рынки именно пиратами. Недаром ведь и Страбон (XIV, 5,2) связывает описание знаменитого Делосского рынка с деятельностью киликийских пиратов. Своеобразие обстановки заключалось в тесном сплетении интересов пиратской верхушки отсталых племен, переживающих период разложения родового строя, с интересами рабовладельцев ведущей державы Средиземноморья — Рима.

Рассмотрение вопроса об источниках пиратства в эпоху эллинизма еще раз подтверждает правильность марксистской концепции о воспроизводстве рабов как рабочей силы в исторических условиях рабовладельческого общества древности.

Ч. А. Ленцман